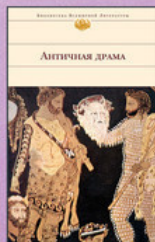

Еврипид

Вакханки

*Часть сборника
Античная драма (сборник)*

Еврипид

Вакханки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=642595

Античная драма: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-13321-6, 978-5-699-21133-3

Аннотация

Трагедия написана в Македонии и поставлена в Афинах после смерти поэта вместе с "Ифигенией в Авлиде". Хотя трагедии приурочивались к празднествам Диониса, сюжеты, связанные с этим богом, в них разрабатывались довольно редко (около 20 названий из 600 сохранившихся). Вероятный предшественник Еврипида – Эсхил, написавший не дошедшую до нас драму "Пенфей".

Фиванская царевна Семела, дочь Кадма, была возлюбленной Зевса. По неразумию она попросила громовержца явиться во славе и погибла от его молний. Зевс спас недоношенного младенца (по одной из версий – зашил его в бедро и, когда пришел срок, "родил"). Как рожденный Зевсом, Дионис, в отличие от всех земных детей бога, является божеством. Его "эпифания" – прославление как бога – началась на Востоке, и оттуда он явился в Грецию и увлекает женщин (вакханок, менад) в свои оргиастические празднества. Мужчины препятствуют "непристойному" культу, главные противники – Пенфей, царь

Фив и двоюродный брат Диониса, а также тетки, уверенные, что сестра согрешила со смертным, а не с богом ("свои не признали"). В наказание Дионис ослепляет ум царя и отводит глаза его матери и теткам...

С античности и по нынешний день продолжают споры, считать ли эту трагедию религиозным произведением, прославляющим всемогущество бога, или очередным выпадом Еврипида против богов, которые забавляются страданиями людей.

Содержание

Действующие лица	5
Пролог	6
Парод	10
Эписодий первый	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Еврипид

Вакханки

Действующие лица

Дионис

Хор лидийских вакханок

Тиресий

Кадм

Пенфей

Слуга Пенфея

Вестник

Второй вестник

Агава

Действие происходит в Фивах перед дворцом Кадма.

Пролог

Дионис

Сын Зевса, Дионис, я – у фиванцев.
Здесь некогда Семела, Кадма дочь,
Меня на свет безвременно явила,
Поражена Зевесовым огнем.
Из бога став по виду человеком¹,
Я подхожу к струям родимых рек.
Вот матери-перунницы² могила:
У самого дворца обломки дома
Еще курятся³, – в них еще живет
Огонь небесный, Геры горделивой
На мать мою неугасимый гнев...
Спасибо Кадму: сделал неприступным
Он дочери святилище; его
Со всех сторон я скрыл и винограда
Кистями нежной зелени обвил.
Покинув пашни Лидии златой,

¹ *Из бога став по виду человеком* — о метаморфозах Диониса как одном из источников трагического искусства.

² *Матери-перунницы* — т. е. пораженной молнией (перуном).

³ *Еще курятся* — сколько же лет может дымиться старое пожарище? Это, конечно же, символ неугасимого гнева богов.

И Фригию, и Персии поля,
Сожженные полдневными лучами,
И стены Бактрии, и у мидян
Изведав холод зимний, я арабов
Счастливых посетил и обошел
Всю Азию, что по побережью моря
Соленого простерлась: в городах
Красиво высятся стенные башни,
И вместе грек там с варваром живет.
Всех закружил я в пляске вдохновенной
И в таинства их посвятил свои,
Чтоб быть мне явным божеством для смертных.
А потому из городов Эллады
Вас первыми я, Фивы, огласил
Восторга песнью, нарядил в небриды⁴
И в руки дал плющом увитый тирс,
Что сестры матери – кто б мог подумать? —
Во мне Зевеса сына не признали
И утверждали, будто, согрешив
Со смертным, мать Завесу приписала
Свой женский грех; что ловко сочинил
Ту басню Кадм и что Зевес Семелу
Убил за дерзко выдуманный брак.
За это их я в бешенстве дома́
Заставил бросить: потеряв рассудок,
Они теперь ушли на Киферон
В вакхических одеждах, с жаждой оргий

⁴ *Небрида* — одеяние из шкуры, которое носили вернувшиеся к природе вакханки.

В груди, и сколько в царстве Кадма есть
Народу женского, – всех с ними вместе
Заставил я покинуть очаги,
Теперь под сенью елей в исступленье
Бездомные блуждают по скалам.
Да, город, ты почувствуешь теперь,
Что значит таинств Бромия⁵ чуждаться.
И матери я память освящу,
Явившись людям тем могучим богом,
Который ею Зевсу был рожден.
Почет и власть царя здесь отдал Кадм
Пенфею, сыну дочери Агавы.
Он – богоборец, и ни разу мне
Не сделал возлиянья, и в молитвах
Упомянуть не хочет. Пусть же царь
И прочие фиванцы убедятся,
Что точно бог я. А когда дела
Устрою здесь, – пойду в другие земли.
Но если с войском двинутся фиванцы,
Чтоб женщин с Киферона возвратить,
Я дам им бой, став во главе вакханок.
Так вот зачем, обличье изменив,
Из бога стал я с виду человеком.
А вы, со мной покинувшие Тмол,
Вы, Лидии питомицы, подруги
В пути и власти, – вы теперь, тимпан
Над головой фригийский поднимая,
Подарок Реи-матери и мой,

⁵ *Бромий* — культовое имя Диониса (добавлено переводчиком).

Столпитесь около дворца Пенфея:
Пусть громкие удары соберут
Сюда фиванцев. Я ж на Киферон
Пойду теперь, к моим вакханкам новым,
И в хороводы легкие вплетусь.

Парод

Во время последних слов Диониса вступает на оркестру хор лидийских вакханок.

Хор

Земли Азии, где вы?
Тмол священный, ты покинут! Сладок труд мой.
Я истому в славу Бромия подъямлю,
К богу Вакху я взываю: эвоэ!
Прочь с дороги, с дороги!
Скройтесь в дома, и уста благоговейно
Пусть сомкнутся: Диониса петь я буду,
Как его везде я славлю и всегда.

Строфа I

О, как ты счастлив, смертный,
Если, в мире с богами,
Таинства их познаешь ты;
Если, на высях ликуя,
Вакха восторгов чистых

Душу исполнишь робкую.
Счастлив, если приобщен ты
Оргий матери Кибелы;
Если, тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису.
Вперед, вакханки, вперед!
Вы, бога и божьего сына,
Домой Диониса ведите!
С гор фригийских на стогны Эллады
Отведите вы Вакха домой.

Антистрофа I

Грянули громы Зевса —
Муки родов приспели:
Не доносив, извергнула
Бромия мать из чрева
И под ударом молний
Кончила жизнь безвременно.
Но извергнутого принял
Зевс в свое немедля лоно,
И, тая от Геры сына,
Он его в бедре искусно
Пряжкой застегнул златою.
Когда же приспел ему срок,

Рогоносного бога⁶ родил он,
Из змей он венок ему сделал:
С той поры этой дикой добычей
Обвивает менада чело.

Строфа II

Вы, колыбель Семелы,
Фивы, плющом венчайтесь!
Нежной листвой оденьтесь,
Пурпуром ягод тиса!
Вакха исполнись, город,
С зеленью дуба и ели!
И белорунных кистей
Больше на пестрой небриде нашей!
Игривый тирс тебя сподобит Вакху, —
И вся страна запляшет за тобою,
Где свои лики промчит Дионис...
В гору он мчится, а женщин толпа
Ждет его там не дождется.
От станков и от ткацкой работы
Их в восторге отбил Дионис.

⁶ *Рогоносного бога* — рога в древности — символ святости и плодородия (Моисей изображался с рогами). Змеи — связь с землей, плодородием, культом умирающего и воскресающего бога.

Антистрофа II

Крита юдоль святая,
Мрачный приют куретов,
Зрел ты рождение Зевса.
С гребнем тройным на шлеме
Там корибанты обруч
Кожей нашли одетый.
Дико тимпан загудел:
С сладкими звуками слиться хотел
Фригийских флейт; тимпан вручили Рее,
Но стали петь под гул его вакханки.
Сатирам Рея его отдала:
Звонкая кожа с ума их свела.
В триетериды⁷ святые
Его звон веселит хороводы,
Их же любит наш царь Дионис.

Эпод

О, как мне любо в полянах,
Когда я в неистовом беге,
От легкой дружины отставши,

⁷ Триетериды – справляемый раз в три года праздник Диониса.

В истоме на землю паду,
Священной небридой одета.
Стремясь ко фригийским горам,
Я хищника жаждала снеди:
За свежей козлиною кровью
Гонялась по склону холма...
Но, чу! Прозвучало: “О Вакх, эвоя!”
Млеком струится земля⁸, и вином, и нектаром пчелиным,
Смол благовонных дымом курится.
Прянет тогда Дионис...
И вот уже носится вихрем:
Он нежные кудри
По ветру распустит.
Вот факел горящий в горах замелькал
На тирсе священном,
И с вакхической песнью слились
Призывные клики:
“Ко мне, мои вакханки,
Ко мне, мои вакханки,
Краса горы Пактола!
Злаченные тимпаны
Пусть тяжко загудят!
Воспойте Диониса,
Ликующего бога,

⁸ *Млеком струится земля* – самородные мед, вино и молоко – признак Золотого века, “царства божьего”, провозвестник которого – Дионис. Но в этом царстве не будет прощения, и невинно веселящиеся вакханки жаждут “свежей козлиной крови”. Ягненок здесь если и ляжет рядом со львом, то мертвым – обоих разорвут в иступлении.

На свой, фригийский лад!
Нежной флейты священные звуки
Пусть нагорный вам путь усладят!”
И призыв еще не смолкнул,
А вакханка в быстром беге
Рядом с Вакхом уж несется:
Точно в стаде жеребенок
Подле матки скачет резвый.

Эписодий первый

Входит Тиресий.

Тиресий

Эй, кто там у ворот? Поди скорей
И призови мне из покоев Кадма,
Что башнями наш город укрепил,
Придя из стран сидонских⁹. Доложи,
Что ждет его Тиресий.

Один из стражников уходит во дворец.

А зачем —
Ему известно самому. Условье —
Я, старый, он, старейший, — заключили:
Взять тирсы и, накинувши небриды,
Плющом седые головы увить.

⁹ Придя из стран сидонских — Кадм был родом финикиец (сидонец). Уйдя на поиски своей сестры Европы, похищенной Зевсом, он не вернулся домой и основал Фивы, посеяв зубы убитого им дракона. Ему приписывается изобретение греческого алфавита на основании финикийского.

Кадм

(выходя из дворца)

О друг любезный! Выйти не успел я,
Уж мудрого по голосу признал.
Иду, иду. Смотри, как обрядился!
Да, сколько в силах наших, я хочу
Сегодня возвеличить Диониса:
Явленный бог – по дочери мне внук.
Ты человек умелый, мой Тиресий,
И я, старик, вверяюсь старику:
Не правда ль, ты укажешь, где плясать мне
И где, остановившись, затрясти
Седую головой? Я столько силы
В себе почувствовал, что день и ночь
Готов стучать о землю тирсом Вакха:
Веселье нам снимает годы с плеч.

Тиресий

Со мною то же, Кадм, – помолодел я
И в хоровод вакхический пойду.

Кадм

Но до горы не лучше ль нам доехать?

Тиресий

А богу тем почет не уменьшим?

Кадм

Мне ль, старцу старца быть проводником?

Тиресий

Сам бог, о Кадм, нам путь наш облегчит.

Кадм

А мы одни на игрище из граждан?

Тиресий

Увы! Разумных больше не нашлось.

Кадм

Что ж медлить дале! Вот моя рука.

Тиресий

Вот и моя, сплети ее с своей.

Кадм

Нет, презирать богов не мне – я смертен.

Тиресий

Да, перед богом тщетно нам мудрить.
Предания отцов, как время, стары,
И где те речи, что низвергнут их,
Хотя бы в высях разума витал ты?
Пожалуй, скажут мне: “И как не стыдно?
Старик плясать собрался и плющом
Чело обвил!” А разве где-нибудь
Нам обозначил бог, что пляшет юный,
А не старик в честь Вакха? Нет, почет
От всех равно приятен богу Вакху:
Поклонников не делит Дионис.

Кадм

Тиресий, солнце для тебя не светит;
Мой ясный долг – предостеречь тебя.
Вот царь Пенфей, трон от меня приявший,
Сюда спешит. О, как взволнован он!
Что-то нам скажет в гневной речи внук мой?

Пенфей

Уехал из страны я – праздный путь!
Дурные вести слышу отовсюду.
Нежданная постигла нас беда:
Дома, детей фиванки побросали;
В вакхическом безумии они
Скитаются в горах, поросших лесом,
И бога Диониса – что за бог,
Не знаю – буйной почитают пляской.
Среди их роев полные вином
Стоят кратеры, а вакханки наши
Тайком, поодиночке, в чашу леса
Бегут – с мужчиной ложе разделить!
По виду – вдохновенные менады,
Но Афродита им милей, чем Вакх.
Иных я уж поймал: связавши руки,
В тюрьме теперь их люди стерегут.
А тех, что нам покуда не попались,
На Кифероне всех переловлю:
Ино, Агаву, что от Эхиона
Меня родила, Актеона мать¹⁰ —

¹⁰ *Ино, Агаву... Актеона мать* – три сестры Семелы, дочери Кад-ма. Согласно другой версии мифа, Ино и ее детей уже не было в живых – Гера наказала ее безумием за то, что она взяла на воспитание младенца Диониса, и Ино, убив своих детей, бросилась в море (см. “Медея”). Актеон, превращенный Артемидой

Я разумею Автоною – крепко
В железо их велю я заковать,
Авось тогда пройдет их беснованье.
Да, говорят, какой-то чародей
Пожаловал из Лидии к нам в Фивы...
Вся в золотистых кудрях голова
И ароматных, сам с лица румяный,
И нег Афродиты у него
В глазах; обманщик этот дни и ночи
С девицами проводит, – учит их
Он оргиям ликующего бога...
Ну, попадись он мне, – тогда стучать
О землю тирсом, встряхивать кудрями
Не долго будет – голову сниму.
Он смеет богом Вакха называть¹¹!
Он говорит, что в Зевсовом бедре
Он был зашит – тот жалкий недоносок,
Которого огнем небесным Зевс
Испепелил, а заодно и мать,
За лживую о браке похвальбу!
Все это знают, и неужто дерзкий,
Кто б ни был он, хулой не заслужил
Позорной петли? Ба! Что вижу! Новость!

в оленя, был растерзан своими же собаками – вероятно, упоминание этого имени намекает на скорую участь Пенфея.

¹¹ Он смеет богом Вакха называть – казалось бы, что за печаль Пенфею, если его родич прославится как бог? Но помимо естественной братской зависти, вероятно, царь боится, что божественный кузен будет претендовать на его престол.

Вот диво-то! Тиресий-чудодей
И матери отец, как будто на смех,
В небридах пестрых, с тирсами в руках
Служить собрались Вакху! Дед, могу ли
Я старость чтить, теряющую смысл?
Да сбросишь ли ты плющ? От тирса руку
Освободишь ли наконец, старик?

(Тиресию.)

Все ты, Тиресий? Видно, снова хочешь,
Вводя к фиванцам бога, погадать
По птицам и за жертвы взять деньжонок!
О, если б не седая голова
Тебя спасала, посидел бы ты
Теперь в оковах, там, среди вакханок,
За оргии порочные твои!
Нет, тот обряд, где женам подают
Сок виноградный, чистым не признаю.

Корифей

Безумец! Ни богов, ни Кадма чтить,
Посеявшего колос земнородный,

Не хочешь ты и только род позоришь!

Тиресий

Когда умен вития и предмет
Искусно выбран им – пусть речью плавной
Сердца пленяет. Ты ж, Пенфей, лишь словом
Легко владеешь, точно умный муж,
Ума ж не видно в лоске слов твоих.
А гражданин тот вреден, коль, речистый
И властью смелый, смысла он лишен.
Смеешься ты над нашим новым богом:
О, если бы внушить тебе я мог,
Как будет славен он по всей Элладе!
Послушай, сын мой: два начала в мире
Суть главные. Одно – Деметра-матерь
(Она ж Земля; как хочешь, называй).
Она сухой лишь пищею нас кормит;
Ее дары дополнил сын Семелы:
Он влажную нам пищу изобрел, —
Тот винный сок, усладу всех скорбей.
В нем он и сон нам даровал, забвенье
Дневных забот – иного ж не найти
Им исцеленья. Он, вдобавок, людям
Сам бог, себя дозволил в возлиянье

Другим богам преподносить¹² – и этим
Всех благ он стал источником для них.
Тебе смешно, затем что Вакх зашит
В бедре¹³ у Зевса был. Вот смысл преданья:
Когда его из горнего огня
Исхитил Зевс и дивного младенца
Возвел в богов обитель, на Олимп, —
Его согнать с него хотела Гера;
Но Зевс ей воспротивился и мерой,
Достойной бога, Диониса спас.
Эфира надземельного частицу
Он оторвал и дал ей образ сына;
Тот призрак он “заложником” супруге
Ревнивой выдал. Люди же потом —
Сказанье извратив, что бог богине
“Заложником” младенца передал,
И таинства слова переиначив,
Слух распустили, будто Дионис
Взаправду вскормлен был в бедре Зевеса.
Он – и вещатель: в исступленье Вакха
Пророческого духа скрыта мощь:
Своим наитьем необорным бог наш
Завесу тайн с грядущего срывает.
Он – и воитель: сколько раз в строю
Доспехами сверкающее войско,

¹² Сам бог, себя дозволил в возлиянье другим богам преподносить – культовая параллель с христианством достаточно очевидна.

¹³ В подлиннике игра слова: Дионис был “заложником” (*homeros*), а людям послышалось “бедро” (*ho meros*).

Еще копья не зная супостата,
Рассеялось! От Вакха этот страх.
И ты увидишь: на горе двуглавой,
Что высится над Дельфами, наш бог
Под пляски шум в дружине тирсоносной
Огнем лучин дубравы озарит
И будет всей Элладой возвеличен.
И ты, Пенфей, послушайся меня:
Не царь один повелевает людям, —
И если ум твой поврежден, покинь
Уверенность, что непреложно судишь.
Нет, бога нового в страну приняв,
Почти его священным возлияньем
И таинств ты смиренно приобщись,
Венком зеленым голову украсив.
Конечно, женщин скромности учить
Не Диониса дело: это дар
Самой природы. Чистая душою
И в Вакховой не развратится пляске.
Когда народ толпится у дворца
И граждане Пенфея величают,
Тебе приятно, да? И Дионис
Неравнодушен к уваженью смертных.
Итак, покрывши голову плющом,
На смех тебе, плясать мы с Кадмом будем:
В честь бога пляска и седым идет.
И не склонишь меня ты спорить с богом:
Безумец ты, и никакое зелье
Не исцелит недуга твоего, —

Скорее, мнится, зельем ты отравлен.

Корифей

Приносят Фебу честь твои слова,
И, славя Вакха, старец, ты разумен.

Кадм

Дитя мое, Тиресий дал совет
Тебе благой: о, не чуждайся веры¹⁴!
Будь наш. Теперь не здраво судишь ты, —
Ум затемнен в тебе пустым мечтаньем.
Ну, хорошо, пусть он не бог, все ж богом
Признай его, Пенфей: ведь в этой лжи
Семеле честь, в ней слава роду Кадма!
Перед тобой – несчастный Актеон:
Псы хищные, ты помнишь, растерзали
Его в лесу, когда он утверждал,
Что в ловле он искусней Артемиды.
Пока ты цел еще, Пенфей, плющом
Дай увенчать тебя, восславим Вакха!

¹⁴ *Не чуждайся веры* – буквально: “не оставайся вне законов”.

Пенфей

Прочь руки, дед! Сам бражничать ступай,
Меня ж безумьем заражать не думай!
А за болезнь твою мне даст ответ
Наставник твой.

(Одному из слуг.)

Эй, кто там, люди! Живо
Ступай на вышку старого, где птиц
Он поджидает. Все разбей там ломом,
Вверх дном поставь! Его повязки все
На жертву кинь ветрам и вихрям буйным.
Злей кары он не выдумал бы сам!
А вы, другие, выследите в Фивах
Лидийца женственного, что принес
Недуг тот новый и пятнает браки;
А изловив, сюда его в цепях
Ведите: пусть он, камнями побитый,
Умрет, на горьком опыте узнав,
Как здесь справляют праздники в честь Вакха.

Тиресий

Несчастный! Сам не знаешь, что творишь:
Твое безумье бешенством сменилось!

(Кадму.)

Пойдем, мой Кадм; умолим Диониса
И за него, хоть и жестоким стал он,
И за наш город, чтобы бог беды
Нам не наслал. За мной, с плющом на тирсе
Скорее в путь! А чтоб вам не упасть,
Поддерживать мы, Кадм, друг друга будем:
Два старика упавших – вид печальный...
Но будь что будет, а должны служить

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.